

В ту ночь Чэнь Хаосюань спал очень беспокойно: ему постоянно снился огромный осьминог, который обвивал его своими длинными щупальцами, плотно сковывая все конечности. Чэнь Хаосюань схватил одно из щупалец и изо всех сил укусил. Осьминог зашипел и наконец-то отпустил его.

Но Чэнь Хаосюань всё ещё не чувствовал себя в безопасности, опасаясь, что осьминог снова нападёт. Нацелившись в его круглую большую голову, он ударил кулаком...

Мир стал тихим, тело расслабилось, и он почувствовал удовлетворение... Чэнь Хаосюань снова погрузился в глубокий сон без сновидений.

На следующий день, ближе к обеду, Чэнь Хаосюань с тяжелой головой поднялся с кровати и сразу же увидел Шу Байчуаня, который сидел рядом, тихо печатая на ноутбуке. Не знаю, было ли это его воображением, но Чэнь Хаосюань показалось, что Шу Байчуань тоже выглядел не слишком бодрым.

— Ачуань, ты прошлой ночью плохо спал? — с заботой спросил Чэнь Хаосюань.

— О, нет, спал хорошо, — Шу Байчуань закрыл документ и с легкой улыбкой ответил Чэнь Хаосюаню.

Когда Шу Байчуань повернулся, Чэнь Хаосюань заметил, что его левый глаз слегка посинел, как будто его кто-то ударил.

Проще говоря, «синяк под глазом».

— Эм... Ачуань, твой глаз... — Чэнь Хаосюань указал на свой левый глаз.

— О, это... — Шу Байчуань поднял руку и погладил синяк вокруг глаза. — Меня ударил один дурак.

— Ду... — Чэнь Хаосюань хотел спросить, кто этот «дурак», но тут заметил следы зубов на руке Шу Байчуаня.

Чэнь Хаосюань замер. Он наконец с опозданием понял, что «дурак», о котором говорил Шу Байчуань, вероятно, был он сам. Оказывается, прошлой ночью он бил не «осьминога», а Ачуаня.

Шу Байчуань заметил паузу в словах Чэнь Хаосюаня и приподнял бровь.

— Эх-хе-хе, кажется, это я ударил, — смущенно почесал голову Чэнь Хаосюань. — Я сварю яйцо, чтобы приложить к синяку, Ачуань? Хотя он не был мастером кулинарии, сварить яйцо он мог.

— Не беспокойся, этот синяк скоро пройдет.

— Но мне всё равно неловко, — настаивал Чэнь Хаосюань.

— Хе-хе... Не нужно чувствовать себя виноватым, у нас будет возможность всё исправить, — мягко засмеялся Шу Байчуань.

Когда он «съест» этого медведя, он вернет ему много «синяков».

В голове Чэнь Хаосюаня возник большой вопрос. Но раз Ачуань сказал, что всё исправит

позже, то пусть так и будет, подумал он про себя. Сегодня ночью, даже если осьминог будет душить его во сне, он не станет просто так размахивать кулаками, чтобы снова не причинить вреда невинным.

Но был ли Шу Байчуань действительно «невинным»? Это знали только небеса и земля, он сам... а Чэнь Хаосюань — нет.

В этот момент снаружи раздался голос мамы Чэнь:

— Хаосюань, вставай! Ачуань уже давно встал, а ты всё ещё спишь! Если не встанешь, не получишь обед!

Чэнь Хаосюань «ох» ответил и поспешно поднялся с кровати.

Так это дело и закончилось.

Выходные пролетели быстро, в мгновение ока временное проживание Шу Байчуаня в доме Чэней подошло к концу. В тот вечер мама Чэнь приготовила обильный ужин, позволив всем, кто долгое время сидел дома из-за тайфуна, хорошенько поесть. Даже котёнок Сяо Хэй перестал соперничать с Шу Байчуанем за внимание и усердно грыз свой хвостик рыбы.

Шу Байчуань невольно вспомнил своего Сяо Ци, тоже большого любителя поесть. К счастью, тот был гурманом и умел находить еду, поэтому Шу Байчуань не беспокоился, что Сяо Ци останется голодным после двух дней его отсутствия.

После сытного ужина настало время для «гимнастики для ума». По мере приближения первых этапов соревнований по дебатам, Шу Байчуань всё больше усиливал тренировки Чэнь Хаосюаня, требуя от него не только уверенного владения всеми аргументами и доказательствами, необходимыми в процессе дебатов, но и разработки собственного стиля ведения дискуссий.

Все эти теории Чэнь Хаосюань уже читал в книгах, предоставленных Шу Байчуанем, но чтобы применить их на практике, требовалось много умственных усилий.

Чэнь Хаосюань чувствовал, что в последние дни его силы были на исходе, и мозг был на грани отказа.

Через час, с «серьезной нехваткой кислорода» в мозгу, Чэнь Хаосюань наконец с стоном бросил блокнот и упал на кровать, пробормотав:

— Ачуань, я больше не могу, дай мне отдохнуть...

Шу Байчуань вздохнул и спросил:

— Тебе нужно, чтобы я тебя помассировал?

— Это было бы просто замечательно! — глаза Чэнь Хаосюаня загорелись, и он без церемоний устроился головой на коленях Шу Байчуаня, закрыв глаза в ожидании массажа.

Это было открытие, которое Чэнь Хаосюань сделал недавно: Шу Байчуань был мастером массажа.

Шу Байчуань положил руки на лоб Чэнь Хаосюаня и медленно начал нажимать на точки. Его длинные пальцы были сильными, и Чэнь Хаосюань не мог сдерживать вздохов. В первый раз,

когда Шу Байчуань делал ему массаж, он чуть не убежал в ванную, чтобы остудиться...

— Кстати, Ачуань, как у тебя так хорошо получается массаж? Ты точно находишь нужные точки, — внезапно заинтересовался Чэнь Хаосюань.

— Я специально учился у старого китайского врача.

— Специально? Хе-хе, это чтобы порадовать какую-нибудь красавицу?

Шу Байчуань задумался.

— Ну, можно сказать, что это была красавица, — в его голосе звучала ностальгия.

— А? Эм... хе-хе~ Я просто предположил, но оказалось, что так и есть, — в голосе Чэнь Хаосюаня прозвучала легкая грусть, хотя он сам не мог понять почему.

Услышав эту нотку в голосе Чэнь Хаосюаня, Шу Байчуань улыбнулся ещё шире. Его сердце слегка дрогнуло, и он вдруг спросил:

— Хочешь увидеть эту красавицу?

— А? Можно? Она здесь? — Чэнь Хаосюань подумал, что это девушка, которую Шу Байчуань любил до переезда, и предположил, что они живут в разных городах.

— Да, она здесь, — Шу Байчуань тихо вздохнул, глядя на туманную ночь за окном.

В небе висел полный месяц, излучая мягкий и холодный свет.

Прошла еще неделя, и Шу Байчуань, как и обещал, повёл Чэнь Хаосюаня познакомиться с той «красавицей».

Это был второй раз за две жизни, когда Чэнь Хаосюань встретился с родственником Шу Байчуаня.

Чэнь Хаосюань никогда не думал, что в тайной биографии Шу Байчуаня скрывался такой факт.

Когда он увидел, как Шу Байчуань с серьезностью и вниманием массирует синяки на руках и ногах своей матери, чтобы улучшить кровообращение, он наконец понял, откуда взялось это одиночество и печаль в его глазах.

Шу Байчуань был похож на свою мать на шесть-семь десятых, но его глаза и тонкие губы добавляли ему строгости и мужественности.

Чэнь Хаосюань увидел, как мать Шу Байчуаня впала в безумие. Только он вошёл, и, возможно, из-за того, что он был незнакомцем, она, до этого спокойная, внезапно начала кричать, бросилась на него, пытаясь укусить, и звала имя отца Шу Байчуаня.

Шу Байчуань шагнул между ними. Мать укусила его за плечо, оставив кровавый след. Только после этого он смог успокоить её.

Видя, как Шу Байчуань, с окровавленным плечом, терпеливо успокаивает мать, Чэнь Хаосюань почувствовал тяжесть в сердце, и горькое чувство охватило его. Как такой Шу Байчуань, потеряв своего единственного друга, смог пережить те дни в одиночестве?

Думая об этом, Чэнь Хаосюань впервые почувствовал боль за другого человека.

— Хе... зачем ты так смотришь? — Шу Байчуань, успокоив мать, увидел Чэнь Хаосюаня с нахмуренным лицом и, догадываясь о его мыслях, похлопал его по плечу. — Не принимай это слишком близко к сердцу, я не такой уж слабый.

<http://bllate.org/book/16725/1538055>